

Забытые имена нефтяников. Профессор Г.Л. Стадников – исследователь каустобиолитов. Жизнь до ГУЛАГа (к 135-летию со дня рождения)

Ю.В. Евдошенко, к.и.н. (ЗАО «Издательство «Нефтяное хозяйство»)

Адрес для связи: editor3@oil-industry.ru

Георгий Леонтьевич Стадников – всемирно признанный химик-органик первой половины XX века, исследователь каустобиолитов, номинант Нобелевской премии 1957 г. Несмотря на то, что биографии ученого посвящен ряд работ, на основе новых данных мы расскажем о «догулаговском» периоде жизни ученого.

Г.Л. Стадников родился 4 января 1880 г. в с. Вязовка Павлоградского уезда Екатеринославской губернии (ныне Днепропетровская обл. Украины) в семье зажиточного купца Леонтия Самойловича Стадникова. С юншества будущий ученый отличался сильным и независимым характером, который воспитывался рассказами отца и стариков-односельчан о запорожских казаках, их вольностях и удалстве. По его признанию, это воспитывало в детских душах смелость и готовность отстаивать свое «Я» [1, л. 103].

В 1890 г. Георгий окончил Вязовскую земскую школу, в 1898 г. – Павлоградскую гимназию, в аттестате было указано, что «поведение его вообще было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ отличная» [2, л. 2].

11 июля 1898 г. Г.Л. Стадников написал прошение на имя ректора Московского университета о принятии его в число студентов естественного отделения физико-математического факультета. Проступило удовлетворили, но учеба складывалась непросто и вместо четырех продолжалась шесть лет.

Февраль и март 1899 г. знаменовались первой всероссийской студенческой забастовкой. Бастовало и студенчество Москвы. Стадников оказался одним из самых молодых забастовщиков. Позднее он признавался, что был политически «нейтральным» и стачку поддержал из чувства солидарности [1, л. 74]. 17 марта 1899 г. его в числе других студентов исключили из университета без права повторного поступления и отправили на родину под негласный надзор полиции [3, л. 1]. Юноша пробовал подать документы в Харьковский университет, но через полгода по амнистии ему разрешили вернуться на 1-й курс Московского университета. В январе 1902 г.

Г.Л. Стадников, 1898 г.
(ЦГАМ, публикуется впервые)

Г.Л. Стадникова отчислили из университета за неуплату. В результате университет он окончил лишь в 1904 г., продемонстрировав на выпускных испытаниях высшие оценки.

В годы учебы Г.Л. Стадников увлекся химией и приступил к изучению нафтенных под руководством профессора В.В. Марковникова, а после его смерти в 1904 г. изучал аминокислоты под руководством Н.Д. Зелинского, который писал позднее, что Стадников стал его «лучшим помощником в исследованиях» [4]. В российских и немецких журналах в соавторстве с наставниками Стадников опубликовал первые статьи. В 1906 г. вчерашнего студента приняли в ряды Русского и Немецкого химических

обществ; в 1909 г. его работа по аминокислотам была отмечена премией им. А.М. Бутлерова. Таким образом, очень быстро он заявил о себе как о серьезном, оригинальном химике-исследователе.

О своей службе после окончания университета Г.Л. Стадников писал кратко: «Профессором Н.Д. Зелинским был оставлен при Университете. С 1907 г. – лаборант Московского Университета. С 1910 г. – приват-доцент Московского Университета» [5, л. 1]. В 1910 и 1911 г. вышли его первые, небольшие самостоятельные работы – «Исследования в области амина-, имино- и нитроокислот» и «Явления ассоциации и диссоциации при превращении некоторых органических соединений». В политическом отношении он был вполне благонадежен, но в 1911 г. в знак протеста против репрессивной политики самодержавия Стадников, как сообщала московская полиция, «в числе некоторых других приват-доцентов Физико-Математического Факультета Московского Университета подал (демонстративно) прошение о сложении с него звания приват-доцента» [6, л. 31 – 31 об.].

С 1913 г. он жил в Одессе и до 1920 г. являлся профессором химии Новороссийского университета; когда в городе образовались политехнический и сельскохозяйственный институты, стал читать лекции и там. В 1916 г. у него вышла третья книга «Аномалии реакции Гринь-

яра», посвященная органическому синтезу с применением магнийорганических соединений.

С началом Первой мировой войны особое значение получили работы в области адсорбции и коллоидальной химии, на которых сосредоточился Стадников. В университетской лаборатории он возглавил прикладные исследования, например разработку технологии очистки паровых котлов цеолитами, крашения тканей и др., консультировал местные заводы в области химической технологии. У него проходил школу будущий академик АН СССР А.И. Фрумкин.

Как воспринял Г.Л. Стадников Февральскую революцию – неизвестно, но Октябрьскую не принял категорически. «Я не верил в социалистическое хозяйство», – признавался он позднее [1, л. 74].

В 1918 – 1919 гг. власть в Одессе менялась несколько раз: Советы, немцы, англичане и французы. В августе 1919 г. в город вошли денкинцы. От Христианско-трудового блока Г.Л. Стадника избрали депутатом городской думы. «Главным вопросом, занимавшим думу, – вспоминал профессор, – была организация защиты города и прилегающих местностей от Красной армии, которая в это время быстро продвигалась на юг». На митингах и в газетах он доказывал, что «социалистическое хозяйство в отсталой России поведет к гибели», «призывал всячески противодействовать приходу к власти большевиков» [1, л. 76 – 77].

Оборонять Одессу Деникин не собирался, основные его части уходили в Крым и к Ростову-на-Дону. Вопросы самообороны города решал съезд крестьян и немецких колонистов Новороссии, собравшийся в январе 1920 г. Г.Л. Стадника избрали председателем съезда, а после того, как он призвал к «беспощадной борьбе» с большевиками, – еще и председателем Комитета народной обороны Одессы [7, л. 26].

Несмотря на помощь англичан оружием и обмундированием, одесские ополченцы не могли противостоять боеспособным частям Красной Армии. После двух дней боев в марте 1920 г. Одесса пала, а в ночь с 18 на 19 мая у себя в квартире Г.Л. Стадников был арестован.

Уже на следующий день в ЧК стали приходить письма в защиту профессора. Писали ректоры одесских вузов, преподаватели, студенты. Под одним из писем стояло свыше 130 подписей. «Стадников в настоящее время является единственным на юге России широким специалистом в области технической химии, – сообщали чекистам сотрудники университета. – Прекращение его профессорской деятельности и научно-технических работ, безусловно, отрицательно скажется на возрождении южно-русской промышленности и на деле подготовки широко образованных техников, столь необходимых для строительства новой жизни» [7, л. 19]. К чекистам обращались рабочие предприятий: «Мы нижеподписавшиеся рабочие завода И.И. Ген [более 70 подписей] сим заявляем, что профессор Стадников, <...> поразила нас своим знанием и опытом <...> и является необходимым при дальнейшем развитии работ на заводе» [7, л. 13]. В общем, все просили освободить профессора.

21 июня 1920 г. председатель Одесской ЧК С. Реденс общал в украинскую ЧК, что профессор заслуживает расстрела, но предложил перевести его в Харьков на усмотрение вышестоящей инстанции [7, л. 6], а там решили сразу

же препроводить арестованного в Москву. К 13 июля 1920 г. было готово заключение, в котором Г.Л. Стадников признавался «научной силой в области технической химии и технологии» и предлагалось сделать расстрел условным, а его самого передать в распоряжение ВСНХ для использования по специальности. 27 июля 1920 г. Президиум ВЧК подтвердил этот приговор [7, л. 1, 3].

В Центральной химической лаборатории ВСНХ профессор приступил к химическим анализам и консультациям химиков-технологов. В 1922 г. лабораторию преобразовали в Химический институт им. Л.Я. Карпова, где Стадников числился главным химиком.

С середины 10-х годов XX века группа инженеров под руководством крупного российского энергетика Р.Э. Классона разрабатывала механизированную технологию добычи торфа гидравлическим способом. Для дальнейшей утилизации этого ископаемого необходим был экономичный метод его искусственного обезвоживания. С января 1921 г. Г.Л. Стадников по приглашению Классона стал работать в товариществе «Гидроторф» и отвечать за химическую проработку вопроса. Уже в августе он предложил использовать для этого коллоидальный раствор гидроксида железа, приготовленный из раствора хлорного железа. Способ базировался на свойстве гидромассы коагулироваться под воздействием этого реагента, что позволяло механически отжимать воду. Реагент оказался дорогостоящим, но вскоре был найден дешевый способ – путем растворения железных стружек действием растворенной в воде углекислоты с последующим окислением хлорной известью. Для доработки этой идеи при электростанции «Электропередача» был построен опытный завод. Оказалось, что из высушенного торфа при низкой температуре можно получать кокс, газ и большое количество жидких погонов. Описанию своего изобретения, а также современных направлений «облагораживания» твердого топлива ученый посвятил свою первую статью в журнале «Нефтяное и сланцевое хозяйство» [8, с. 277].

В 1922 г. по ходатайству Президиума ВСНХ за работу по торфам с профессора сняли судимость. Однако судьба Гидроторфа была печальной. Его проектам покровительствовал В.И. Ленин, но в январе 1924 г. он умер. В 1926 г. скончался и сам Р.Э. Классон, «душа проекта», пользовавшийся авторитетом в политической и хозяйственной верхушке. Г.Л. Стадников остался один на один с «конкурентом» – директором Института торфа ВСНХ И.И. Радченко. Старейший член партии, он обладал гораздо большим административным весом, чем вчерашний мятежник-«контрреволюционер». В результате опытный завод под предлогом переброски в более удобное место разобрали, но так и не восстановили. Горячие возражения Стадникова никто слушать не стал. «Я перешел на другую работу потому, что работы мои по искусственному обезвоживанию торфа были совершенно заторможены», – писал он позднее [1, л. 81].

В 1926 г. Стадников добился создания при Научно-техническом управлении (НТУ) ВСНХ Лаборатории химии угля для изучения происхождения и разработки естественной (генетической) классификации не только углей, но и всей линейки каустобиолитов – от сапропелей до угля, включая нефть и битумы.

С начала 20-х годов XX века при большом противодействии ОГПУ началось сотрудничество Г.Л. Стадникова

ва с немецкими учеными. «Ему нужен заграничный воздух, беседа с химиками, – писал после очередного отказа Р.Э. Классон, – а тут он чувствует себя одиноким <...> Все это очень обидно, так как крупнейшая рабочая сила не используется так, как могла бы быть использована» [9].

В январе 1923 г. Стадников все-таки на два месяца выехал в Германию, где ведущие химики знакомили его с лабораториями и заводами. Большую часть командировки он посвятил изучению новейшей литературы. В сентябре 1926 г. ученый вновь приехал в Германию, посетил Угольный институт в Мюльгейме и познакомился с его директором Ф. Фишером, который разработал технологию получения искусственного бензина путем гидрогенизации угля в присутствии катализатора [1, л. 29].

Очень быстро Г.Л. Стадников попал в разряд наиболее почитаемых авторов журнала «Нефтяное хозяйство». На основе новейших литературных данных он описал в 1925 г. (№ 1) основные концепции происхождения нефти и проанализировал их химическую составляющую. Как химик он заинтересовался проблемой превращения жирных кислот в углеводороды, считая, что именно этот процесс лежит в основе происхождения нефти. Допуская возможность образования «метановых» нефтей из остатков животных, он отрицал возможность этого для нефтей «нафтенных» [10, с. 479].

В цикле статей Г.Л. Стадникова и его учеников «Новые данные к вопросу о происхождении нефти» (1927, № 10; 1928, №№ 5, 9) анализировалась возможность получения нефти из богхедов.

В ноябре 1928 г. американская Standard Oil of New-Jersey и немецкий концерн I.G. Farbenindustrie AG, работавшие над технологией получения бензина из углей, организовали в США II Международный угольный конгресс. Туда пригласили ведущих ученых и до конца февраля 1929 г. Г.Л. Стадников оставался в США, где прочел два доклада по проблеме происхождения углей, а после посетил научные и производственные центры. На обратном пути по просьбе немецких участников конгресса он выступил в Угольном институте Мюльгейма.

Эта поездка сыграла большую роль в установлении научных и личных связей. Ведущие немецкие химики, будучи в Москве, не только встречались, но и гостили у Стадникова, он помогал устраивать экскурсии по угольным бассейнам страны. Затем были письма и обмен образцами минералов. «После возвращения из США я таким путем получил много углей, начиная с австралийских богхедов и кончая итальянскими молодыми лигнитами, и составил большую коллекцию, – рассказывал ученый. – Со своей стороны я иногда посылал в обмен угли нашей страны, доводя об этом каждый раз до сведения дирекции института, которая и выхлопывала разрешение на право отсылки образцов по почте, без какого-либо разрешения почтамт посылки не примет» [1, л. 32 – 33].

После возвращения из США Г.Л. Стадников был полон идей о гидрогенизации богхедов. Пример не только Германии, но и относительно богатых нефтью США подталкивал к этому. Еще в 1925 г. Стадников был командирован в Челябинский, Кузнецкий и Иркутский угольные бассейны. Исследования сапропелевых углей (богхедов) показали, что их перегонка дает 40 – 50 % первичного дегтя, служащего сырьем для получения жидких продуктов, 10 – 40 % полукокса и 15 – 35 % газа [11, с. 564]. Эти исследо-

вания положили начало разработке технологии получения жидкого топлива и газа для отдаленных регионов страны [12]. В условиях ограниченности поставок нефтепродуктов за Урал, в Сибирь и на Дальний Восток производство бензина из низкосортных углей могло быть вполне выгодным и позволяло получать еще гамму ценных химических (аммиак, водород) и энергетических (полукокс, синтез-газы) продуктов.

Однако советская наука все больше подчинялась планоначальному началу, «параллелизм» исключался. Исследовательские направления зачастую зависели от мнения господствовавших в науке личностей, которые, как правило, совмещали высокие научные и административные посты. В то время одним из таких был директор Тепло-технического института ВСНХ Л.К. Рамзин. «Через НТУ посредством ревизионных комиссий, в которых участвовали сторонники Рамзина, <...> вопросы перегонки углей при низкой температуре были изъяты из лаборатории химии угля, в которой оставлены были только вопросы происхождения углей и их классификация, – вспоминал Стадников, – <...> я начинал терять веру в возможность работать продуктивно в советских условиях» [1, л. 17].

По сути химика оттирали от экспериментальной исследовательской работы с высокими давлениями и температурами, которая требовала мощной материально-технической базы. В результате, с 1930 г. он практически отошел от экспериментов и сосредоточился, как признавался позднее, на «кабинетной работе написания книг» [1, л. 17 об.]. С 1930 по 1935 г. из-под его пера вышли: «Химия торфа», «Химия угля», «Анализ горючих сланцев», «Химия коксовых углей», «Анализ и исследования углей», «Ископаемые угли, горючие сланцы, асфальтовые породы, асфальты и нефти». Некоторые из этих книг были тут же переизданы в Германии.

Резкий, не стесняющийся в выражениях Стадников выделялся на общем фоне. Не ладились отношения с руководством научных институтов, поскольку после «вредительских» процессов 1930 – 1931 гг. часто директорами назначались малообразованные, но готовые «гнуть линию партии» коммунисты («гоголевские типы» называл их академик Вернадский). Последние признавали тему происхождения каустобиолитов далекой от промышленности. «Всякие мои споры с представителями администрации институтов, в которых я работал, – писал химик, – принимали вследствие присущей мне непосредственности и горячности совершенно невозможную форму. Хотя бы при этих спорах я принципиально был прав» [1, л. 18]. В результате ему пришлось уйти из Института химии угля в Нефтяной геолого-разведочный институт (здесь в 1934 г. он проводил анализы первой камчатской нефти), оттуда в Сланцевый институт АН СССР, затем вернулся в Углекимический. В прессе стали появляться статьи о «чуждости» профессора советскому строю, за ним закрепилась репутация «антисоветчика» [13].

С 1935 г. Г.Л. Стадников работал в только что созданном Институте горючих ископаемых (ИГИ) АН СССР. Приглашение ему сделал директор института И.М. Губкин через своего заместителя С.Ф. Федорова. Оно удивило химика, поскольку большинство геологов, в том числе и Губкин, не соглашалось с его точкой зрения на проблему происхождения нефти. Но это позднее Федо-

ров будет громить «геохимические манипуляции» уже репрессированного химика, а пока он «говорил какими-то полужарганами, обещая все уладить в процессе работы» [1, л. 19 об.].

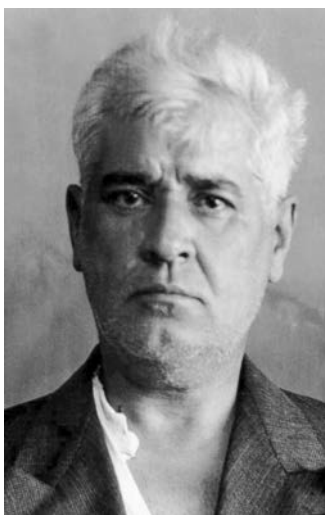
Начать ученый решил с исследования асфальтов и нефтей Урало-Поволжья, которые имели сходные генетические признаки. Также он продолжил составление углехимической карты советских угольных бассейнов. Однако у руководства ИГИ интерес к этим темам упал, лаборатории Стадникова не выделяли сотрудников и помещений. Часто ему приходилось работать у себя в квартире, которая оставалась единственным местом для работы.

В связи с этой квартирой произошел скандал. Как оказалось, ученый с мировым именем так и не имел собственного жилья, а пользовался ведомственным, Химического института им. Л.Я. Карпова, в котором когда-то работал. 31 августа 1937 г. Стадников получил предписание к 5 сентября очистить помещение. Тут же в вестибюле ИГИ он стал возмущаться: «Освободить я не смогу, переезжать мне некуда, они, т.е. институт, конечно, передадут дело в суд, а я, как только получу повестку из суда, соберу более ценное в чемоданы и пойду в немецкое посольство, пусть поселят меня хоть в гараже» [1, л. 170]. Эту «возмутительную» историю поведала парткому института сотрудница С. В интерпретации другой все выглядело так: «В момент, когда предложили Стадникову освободить квартиру, Стадников заявлял, что если его будут выселять и не предоставят площадь, то он будет обращаться к международному научному миру и покажет этим, что вот, мол, как в Советском Союзе относятся к ученым людям» [1, л. 176 об.]. Все это в конце концов дошло до НКВД. Бдительных комсомолок пригласили на Лубянку и зафиксировали их показания. При этом один из свидетелей подчеркивал, что Стадников «работой молодых научных работников интересовался и старался научить их работать» [1, л. 174 – 174 об.]. Младший научный сотрудник М. поведала, что «Стадников говорил в присутствии нескольких человек, что во время его пребывания в Америке ему предлагали пост научного руководителя института, Стадников не дал согласия, мотивируя якобы тем, что попал за границу на советские деньги и поэтому должен вернуться в Советский Союз» [1, л. 176 об.].

Остается только удивляться тому, что чекисты пришли за Стадниковым лишь в августе 1938 г. Ведь еще с 1933 г. у них лежали показания на него как члена «вредительской организации по торфопромышленности» [1, л. 167].

Время для ареста пришло, когда в НКВД возникло дело о «национал-фашистской организации» в АН СССР, руководителем которой якобы являлся вице-президент академии Э.В. Брицке, а участниками – Г.М. Кржижановский, И.М. Губкин, Н.Д. Зелинский, С.А. Чаплыгин, А.Е. Ферсман и ряд других крупных советских ученых. Среди них был назван и Г.Л. Стадников.

23 июля 1938 г. на стол наркому Н.И. Ежову легла докладная записка с «агентурными данными», якобы про-

Подследственный Г.Л. Стадников, 1938 г.
(ЦА ФСБ, публикуется впервые)

фессор проводил «подрывную работу» в области получения жидкого моторного топлива из угля и торфа, выдавал секреты «фашисту» Ф. Фишеру и т.п. [1, л. 1 – 2]. В ночь с 9 на 10 августа Г.Л. Стадникова арестовали. Что в течение десяти дней происходило на Лубянке – неизвестно, но 21 августа 1938 г. он написал «покаянное» письмо на имя Ежова с признанием своих «антисоветских настроений» и пассивного отношения к исследованиям; участие в антисоветской организации и шпионаж он отрицал [1, л. 68]. Это было не то, на что рассчитывали чекисты, но на некоторое время следствие замерло из-за начавшейся «чистки» НКВД и продолжилось лишь во второй половине декабря. 9 января 1939 г. другой следователь принял «признание» Стадникова новому наркому Л.П. Берии. Химик «признался» в шпионаже в пользу

Германии, но никого из членов «организации», кроме Брицке, которого разрабатывали чекисты, не назвал (академика так и не решились арестовать).

14 февраля 1939 г. следствие было окончено. 21 апреля Г.Л. Стадникова обвинили в шпионаже в пользу Германии, участии в «национал-фашистской организации», срыве научных исследований в области угля [1, л. 186 – 191]. 22 апреля состоялось закрытое судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР, на котором ученый отверг обвинения в причастности к фашистской организации и вредительстве [1, л. 195 об.]. Тем не менее его признали виновным в преступлениях, предусмотренных п.п. 6, 7, 8 и 11 ст. 58 УК РСФСР, и приговорили «лишить свободы сроком на двадцать лет с отбыванием наказания в ИТЛ» [1, л. 196]. Следующие 17 лет профессор проведет в Коми АССР [14, 15].

Список литературы:

1. Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ). АСД Р-2310. Т. 1.
2. Центральный государственный архив г. Москвы. Центр хранения документов до 1917 г. Ф. 418. Оп. 312. Д. 896.
3. Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 97. Д. 2886.
4. Юбилей Г.Л. Стадникова // Известия ВЦИК. 1936. 11 июня.
5. ГАРФ. Ф. 4737. Оп. 1. Д. 2041.
6. ГАРФ. Ф. 63. Оп. 19. Д. 943.
7. ЦА ФСБ. АСД Р-2310. Т. 2.
8. Стадников Г.Л. Облагораживание топлива // Нефтяное и сланцевое хозяйство. – 1923. – № 9.
9. Письмо Р.Э. Классона – инж. Б.А. Креверу, Берлин, 26 марта 1925 г. // Эл. ресурс: <http://www.famhist.ru/famhist/klason/000b6a8a.htm> – дата обращения – 18 октября 2014 г.
10. Стадников Г.Л., Ивановский Э.Э. Превращение жирных кислот в углеводород // Нефтяное хозяйство. – 1925. – № 3. – С. 470 – 479.
11. Стадников Г.Л. Иркутские богехды // Нефтяное хозяйство. – 1927. – № 4. – С. 562–564.
12. Евдошенко Ю.В. О раннем периоде газификации Урала и Сибири // Проблемы модернизации сибирского Севера. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2011. – С. 101–105.
13. Замков С. Рвач с «идеологией» // Труд. 1935. 20 февраля.
14. Беляков Л.Н. Воркутинские дни профессора Г.Л. Стадникова // Природа. – 1995. – № 1.
15. Попов А. Георгий Стадников. Несгибаемый мученик науки // Красное знамя. – 2013. – 7 декабря (эл. ресурс: <http://komikz/news/history/?id=11655> – дата обращения 13 января 2015 г.)